

"РУССКАЯ ПРАВДА" И "ВОПРОШАНИЕ КИРИКА"
 В НОВГОРОДСКОЙ КОРМЧЕЙ 1282 г.
 (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
 ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА)

Из оригинальных древнерусских памятников, входящих в состав Новгородской Кормчей 1282 г.¹ (ГИМ, Син.132, далее — НК) наиболее исследована в языковом отношении "Русская правда" (далее — РП). Доступный в фототипическом воспроизведении [2] и лингвистическом издании Е.Ф.Карского [3], древнейший список РП неоднократно становился предметом монографического описания [3, 4, 5], а в специальных работах по истории русского языка он всегда цитируется именно как текст "Русской правды", не смешиваясь с другими текстами НК. Особое внимание лингвистов именно к РП вполне понятно и объясняется ее исключительностью как памятника, в котором восточнославянская языковая стихия выступает в относительно чистом виде, за небольшими исключениями свободном от церковнославянизмов. В этом качестве РП неоднократно сопоставлялась с переводными юридическими памятниками, в частности — в пределах самой НК — с "Законом судным людям" [6 — 9]. Сопоставление это оказалось весьма плодотворным, наглядно продемонстрировав сосуществование в Древней Руси двух последовательно противопоставленных традиций языка права — собственно древнерусской, восходящей к дохристианской эпохе, и церковнославянской, усвоенной с переводами византийской юридической литературы.

Настоящая статья посвящена сопоставлению РП с другим ее "соседом" по НК — "Вопрошанием Кирика" (далее — ВК)². Памятник этот, в отличие от РП, не особенно избалован вниманием исследователей. Хотя значение ВК как источника по истории русского языка хорошо известно, оно до сих остается лингвистически не изданным, а многочисленные

Гиппиус Алексей Алексеевич — научный сотрудник ИСБ РАН

¹ Точная датировка рукописи остается проблематичной, предлагаются и другие варианты: 1276—1280 гг., 1280—1281 гг., 1284—1291 гг. (см. обзор проблемы: [1. С.223—224]).

² В НК и других списках памятник озаглавлен: Се кста въпрашани Кирикова иже въпраша м(е)ста новгородско (так) Нифонта и иже хъ (л.518). Далее текст ВК цитируется по рукописи, но с указанием номера статьи согласно разделению текста в издании А.С.Павлова [9]. Буквы К,С,И при номере статьи отсылают соответственно к трем частям памятника — вопросам Кирика, Саввы и Илья.

примеры из него нередко скрываются в литературе под обезличивающей ссылкой на НК в целом.

Напомним в общем виде содержание памятника. Вопреки названию, ВК представляет собой в действительности результат соединения нескольких текстов, принадлежащих разным авторам, но объединенных общим происхождением, тематикой и композицией. Основу памятника составили беседы на темы канонического права, ведшиеся среди новгородского духовенства во второй четверти XII в. Три новгородских священника — Кирик, Савва и Илья — обращались по затруднявшим их вопросам пастырской практики к архиепископу Нифонту (1130—1156) и другим авторитетным иерархам и, получая от них ответы, записывали их.

Из русских памятников НК ВК лингвистически наиболее близко РП. Близость эта определяется как относительно незначительным содержанием церковнославянизмов в языке ВК, так и присутствием в обоих памятниках большего, по сравнению со всеми остальными текстами НК, числа диалектных древненовгородских черт. Очевидны и различия: язык РП может быть, вслед за А.А.Зализняком [10] определен как "стандартный древнерусский" с незначительной примесью диалектного и церковнославянского элемента; ВК же демонстрирует один из наиболее ярких образцов списанного В.М.Живовым [11] "гибридного церковнославянского" с его характерным механизмом "пересчета" не книжных элементов в книжные по ограниченному набору релевантных признаков.

Распространенное в литературе (см. особенно [12, 13]) представление языковой ситуации Древней Руси в виде единого лингвофункционального континуума, простирающегося между двумя полюсами — восточнославянскими диалектами и церковнославянским языком канонических богослужебных текстов, предполагает трактовку "стандартного древнерусского" и "гибридного церковнославянского" как смежных идиомов, следующих друг за другом ступеней в иерархии уровней языковой коммуникации. Как мы постараемся показать, сопоставляя РП и ВК, соотношение этих форм письменного языка в средневековом Новгороде было в действительности более сложным. За их внешней близостью скрывается глубокое различие и даже, в известном смысле — противоположность. Хотя это соотношение так или иначе проявляется на всех языковых уровнях, мы ограничим свое сопоставление выборочным анализом морфологических данных, как наиболее обозримых в рамках небольшой статьи и одновременно достаточно показательных в плане общей характеристики языка двух памятников.

Лингвистическая характеристика любого текста, написанного или переписанного в Новгороде, предполагает рассмотрение его в двойной перспективе: в плане соотношения противопоставленных церковнославянских и общедревнерусских черт, с одной стороны, и диалектных древненовгородских и "стандартных" древнерусских — с другой. Соотношение наших памятников в первом из этих аспектов достаточно очевидно. В морфологии ВК церковнославянские элементы составляют довольно значительный пласт, хотя и выступают почти всегда наряду с противопоставленными древнерусскими. В основном такое варьирование наблюдается там, где морфологическая с синхронной точки зрения оппозиция имеет фонетические корни, обуславливаясь различной рефлексацией в южно- и восточнославянских диалектах одних и тех же праславянских сочетаний. Из морфологических и морфонологических церковнославянизмов этого круга в ВК представлены:

1) формы именного, местоименного и адъективного склонения на-а,

(Р.ед.) К61, не(д)ла (Р.ед.) К57, бца (Р.ед.) К97, отца (Р.ед. притяжат. прилагательного) К86, шпигельца (Р.ед.) И5; в местоименном и адъективном склонениях соотношение в пользу цел. форм — 18:11);

2) формы действительных причастий с суффиксами *-ущ*, *-ащ* 18 при 34 формах с суффиксами *-уч*, *-ащ*, причем имеет место следующее распределение: цел. суффиксы закреплены за полными причастиями и косвенными падежами кратких (волацемоу, волацаца К44, сплцоу К50, слоужаца К66, всего 14 из 18 примеров), тогда как формы именительного падежа (фактически — деепричастия) выступают в др.-рус. оформлении);

3) инфинитивы на *-ци*: (на)речи К3, К94, пострици(са) К8 (2х), леци К78, въвречи К78 (при 9 др.-рус. формах на *-чи*);

4) чередование *т с щ* в формах глагола *хотѣти*: (въс)хотѣть К10, 29, С18, 22(2х), И13, 20(2х) (др.-рус. формы отсутствуют);

5) форма им. падежа личного местоимения 1-го лица *азъ* (К12, 18, 51, 87, С18, при только одном *азъ* К50).

Из собственно морфологических церковнославянизмов, бывших таковыми уже в раннедревнерусскую эпоху, можно назвать форму местоимения в *сѣбѣ* (местн.) К6, безличное отрицание *нѣсть* (К59, 65, И20 при более обычном *нѣтоу*(ть) К1, 47, 49, 58, 59 и др., всего 21 раз) и архаические формы действительных причастий прошедшего времени от глаголов на *-и* (осквѣрншюса К2, створша К5, схраншмъ К30, рожши К42, wskвѣрншмъса К46, при семи формах с суффиксом *-иа*: коупивъ К3, молвивше К4, творивъ К58, поустивше К8, поустивъ 82, родившиС2, разоумивше И12)³.

Что же касается противопоставлений между древнерусским и церковнославянским в области грамматических категорий, то их состав в раннеписьменную эпоху остается предметом дискуссий. По этой причине не будем сейчас касаться статуса простых претеритов в языке ВК, требующего специального анализа. Более или менее надежно к грамматическим церковнославянизмам ВК можно отнести лишь формы косвенных падежей действительных причастий.

Церковнославянские черты в морфологии древнейшего списка РП, как известно, единичны и на общем фоне смотрятся исключениями. Фактически они исчерпываются тремя неоднократно приводившимися примерами: *всз всакоа свадѣ* 616, *свободнааго* 621, *азъ* 625⁴. Примеры эти, однако, заслуживают некоторого комментария, так как демонстрируют три совершенно разные возможности проникновения в текст, в целом выдержанный в одном языковом ключе, генетически инородных элементов. Наиболее тривиальный случай представляет нестяженное окончание *-ааго*, которое можно рассматривать как случайно сорвавшееся с пера писца,

³ Тот факт, что архаические формы явно тяготеют к косвенным падежам, то есть ведут себя подобно формам на *-ущ*, *-ащ*, подтверждает правомерность трактовки их в языке эпохи создания оригинала ВК как церковнославянизмов.

⁴ А.М.Селишев [5. С. 131] относил к числу церковнославянизмов РП также старые членные формы прилагательных на *-аго*, *-ѣи*, *-ѣиь*. Однако за последние годы представление о статусе этих форм в древнерусскую эпоху изменилось, так как выяснилось, что в древненовгородском диалекте они сохранялись, по крайней мере, до начала XIII в. (см.: [14. С.220—224]). Следует полагать, что и "стандартному" варианту древнерусского языка XI-XII вв. эти формы были в какой-то мере свойственны (см.: [15]).

далеко не случайным, что в Р.ед.жен. местоименного склонения цел. флексия выступает там, где окончание пришлось на перенос: *всако|а*. Во всех остальных случаях (см. примеры ниже) односложную флексию *-ои* находим в середине строки. Употребив ее и в данном случае, писец вынужден был бы перенести на новую строку одиночное *и*, не обозначающее слога. Между тем, используя двусложную цел. флексию, он получил возможность перенести слово по всем правилам⁵. Здесь, таким образом, цел. форма вполне закономерна, но, появляясь в тексте в силу чисто технических причин, она целиком принадлежит его графической оболочке.

Иначе — с третьим примером. Цел. форму местоимения находим в статье 85, регламентирующей порядок использования холопа в качестве свидетеля. Допустимо лишь в крайнем случае, такое использование должно сопровождаться произнесением истцом следующей фразы, обращенной к обвиняемому и декларирующей, что подлинным субъектом обвинения является не холоп, а сам истец: *по сего речи кляю тѣ, нъ азъ кляю тѣ, а не холопъ* ("по показаниям этого (холопа) я обвиняю тебя. Но это я обвиняю тебя, а не холоп"). На *азъ* в данном случае падает логическое ударение, и цел. форма явно призвана подчеркнуть противопоставление *я - холоп*. Вся фраза представляет собой перформативный речевой акт, и в этом отношении употребление *азъ* здесь перекликается с его использованием в формуле *се азъ...* древнерусских грамот (ср. "это я..." в переводе). Такая функциональная нагрузка книжной формы возможна лишь в языке, в целом свободном от церковнославянизмов; следовательно, и этот факт лишь оттеняет общий характер языка древнейшего списка РП. Ср. вполне нейтральное использование той же формы в ВК: *а дроугымъ азъ бороню* К12, *азъ же слышахъ, идохъ к нему...* К51 и др.

Из противопоставленных диалектных древненовгородских и стандартных древнерусских форм рассмотрим следующие явления: 1) оппозицию флексий *-е/-ѣ* в им.ед *о*-основ, 2) оппозиции флексий *-ѣ/-ы* в твердом и *-ѣ/-и* в мягком вариантах *а*- и *о*-склонений, 3) оппозицию односложной и двусложной флексий Р.ед.жен. членных прилагательных и местоимений. В каждом из этих пунктов соотношение двух текстов складывается по-разному.

"Флагман" древненовгородской морфологии, знаменитое *-е* в номинативе *о*-склонения, представлено в ВК несколькими примерами. Принятые за описки издателем памятника А.С.Павловым, три таких примера были проникательно опознаны А.А.Шахматовым [17]. Два из них выступают в статье К37. На вопрос Кирика, где в настоящее время находится "крест честный" (т.е. крест, на котором был распят Иисус), Нифонт излагает предание, согласно которому крест не дошел Ц(с)рагра(д), когда обрѣтене, възнесъса на нѣ(с)а. Третий пример обнаруживается в цитируемом Кириком тексте канонического правила: *Аще кто вѣрне ксть и възвѣститъса ...* (К18).

Специального рассмотрения заслуживает еще один пример, в котором, по-видимому, выступает та же диалектная флексия. Имеем в виду словоформу *оуѣ* в статье С5, в публикации А.С.Павлова переданной

⁵ Писец, переписавший основную часть РП, написал и первые 200 листов рукописи, на которых нестяженные флексии встречаются достаточно часто.

⁶ Симметричный этому прием в сфере цел. книжности представляет спорадическое использование на конце строки вост.-слав. полногласия, как более удобного для переноса [16].

А.С.Павлов, неясно, но в любом случае при такой пунктуации последняя фраза, содержащая интересующую нас словоформу, оказывается никак не соединена с предыдущей и таким образом "повисает в воздухе". Иначе толковал данную статью И.И.Срезневский, в словаре которого она цитируется в виде следующей выдержки: *кѣнѣтъ, и моци, и дороу дати не велии ѡлоучаеться, оуѣ причащенья*. При этом компонент *оуѣ* И.И.Срезневский трактует как предлог со значением "кроме" [18. Т.3. С.1226]. С такой интерпретацией также невозможно согласиться. Во-первых, указанное значение, регулярно выражаемое в древнерусских текстах предлогом *развѣтъ*, приписывается *оуѣ* лишь на основании данного контекста и никакими другими примерами не подкрепляется. Во-вторых, при таком членении текста, синтаксическая структура первой части фразы оказывается совершенно аномальной. Для глагола *отълоучатися* словарями зафиксированы только три типа употребления: он может управлять родительным падежом без предлога или с предлогом *отъ* или вообще не иметь при себе дополнения. Предполагаемое пунктуацией И.И.Срезневского управление инфинитивом для данного глагола не засвидетельствовано.

Синтаксис статьи становится, между тем, вполне прозрачен, если сдвинуть запятую в публикации А.С.Павлова на одно слово влево, рассматривая компонент *дати* не как инфинитив, управляющий формой В.ед. *дороу* (управляющий ею глагол в действительности — *дан* в начале статьи), а как целевой союз, хорошо известный из берестяных грамот, где он встречается в основном в форме *дать*, отражающей утрату конечного гласного [19. С.161]. Такая интерпретация подтверждается чтением "особой" редакции ВК (см. о ней ниже), в которой *дати* соответствует простое *да* [20. С.4]. Последняя фраза представляет собой, следовательно, целевое придаточное: *дати не велии ѡлоучаеться оуѣ причащенья*. И в этом случае *оуѣ* не может быть трактовано как предлог: как уже говорилось при глаголе *отлоучатися* возможен лишь предлог *отъ*. Теоретически это могла бы быть форма компаратива *оуѣни*, *оуѣ* "лучше" ("пусть лучше не слишком отдалится от причастия"). Однако, судя по словарю Срезневского, данная лексема имела ярко выраженную книжную окраску, встречаясь в основном в южнославянских переводах с греческого, а из оригинальных древнерусских сочинений — исключительно в произведениях киевской литературной традиции, отражающих высокую степень освоения их авторами образцовых церковнославянских текстов ("Повесть временных лет", "Житие Феодосия Печерского", "Чтение о Борисе и Глебе", "Киево-Печерский патерик"). В произведениях, в меньшей степени ориентированных на канонические образцы, и в некнижных древнерусских текстах, данное значение регулярно выражается прилагательным *лоучни* и наречием *лоуче*. В самом ВК эти компаративы встречаются восемь раз (К6, 69, 77, 97, С8, 10(2х), 20); один раз находим и *оуѣ*, но этот единственный случай (К94) приходится на цитируемый Кириком текст церковного канона, что весьма характерно. На этом фоне видеть в *оуѣ* статьи С5 компаратив явно не приходится. Остается единственный выход: признать в данной словоформе диалектную форму И.ед.муж. прилагательного *оуѣтъ* "юный". Перевод всей статьи будет в таком случае следующий: "А отрокам давай

⁷ В своем первоначальном виде этот союз встретился пока, кроме данной статьи ВК, лишь в грамоте N745, первой половины XII в.

(давай), чтобы юноша не слишком удалялся от причастия". Таким образом, в рассмотренном контексте диалектный союз соседствует с диалектной флексией, что и являлось препятствием для его адекватной интерпретации.

В РП окончание И.ед. *-е* в твердом *б*-склонении отсутствует. Недавно, однако, В.Б.Крысько, реконструирующий эту флексию в древненовгородском и для мягкого варианта *о*-склонения, привел как древнейший и наиболее яркий пример этого окончания указанную в свое время Е.Ф.Карским [3. С.6], а затем основательно забытую, форму И.ед. *моуѣ*, выступающую в статье 29 РП: *оже придетъ крѣвавъ моуѣ* 617 об. [21]. С такой интерпретацией трудно согласиться. Во-первых, один раз написание *моуѣ* находим в РП в форме В.ед., где оно явно появляется в силу чисто графических причин в окружении многочисленных же: *оже кто оубѣтъ жюу то тѣмъ же соудомъ соудити такоже и моуѣ. оже воудеть виноватъ...* 621 об. Во-вторых, в самом начале РП представлена зеркальная ситуация: замена *ь* на *е* в союзе *ажѣ*, выступающем в близком соседстве со словоформой *моуѣ*: *ажѣ оубѣтъ моуѣ моужа* 615. Наконец, главный аргумент против морфологической интерпретации данного написания обнаруживается при обращении к рукописи, в которой приведенный текст располагается весьма необычно. Начальное *О*, как инициал, вынесено на поле. Первая строка имеет вид *жепридетькрѣвавъ*. Следующую строку писец по ошибке также начал с *же*, видимо, машинально повторив начало предыдущей строки. Чтобы исправить ошибку, слог *моу* он приписал к строке слева на поле, под инициалом *О*, случай, уникальный во всем списке. Написание *моуѣ*, таким образом, возникло из-за недосмотра писца, и видеть в нем морфологический новгородизм нет никаких оснований. Можно утверждать, следовательно, что, в отличие от ВК, в РП окончание *е*- в И.ед. *о*-склонения вообще не представлено.

Диалектные формы твердого *а*-склонения на *-ѣ*, противопоставленные стандартным формам на *-ы*, выступают в ВК в Р.ед. *женѣ* С21 (только *женѣ* не достоинтъ (причащать)) и И.мн. *крохотъѣ* К64 (*платъ иже лежитъ на трапезѣ съгвѣтъи в немже крохотъѣ*). Стандартная флексия представлена в этих формах соответственно 28 и 15 примерами. Диалектное *-ѣ* в соответствии со стандартным *-и* находим в двукратном *рожаницѣ* К33 и *вѣницѣ* К87 (см. там же форму В.ед. *сильца*) при соответственно 20 и 7 случаях употребления стандартных флексий. Похожую картину представляет и РП. Здесь в Р.ед. твердого *а*-склонения на 20 примеров со стандартным *-ы* приходится 2 примера с диалектной флексией: *поль грѣмѣ* 624об., 625об. В ИВ.мн. окончание *-ѣ* встретилось лишь в счетной форме 3 *гривнѣ(е)* (623об., 625), (при 16 примерах со стандартной флексией); вне сочетаний с числительными выступают (13раз) только стандартные формы. В ДМ. мягкого *а*-склонения содержание диалектных форм на *-ѣ* несколько больше, чем в ВК (*въ тажѣ* 621, *въ датѣ* 626об. при 7 стандартных формах); зато в М.ед. мягкого *о*-склонения употребляется исключительно стандартная флексия *-и* (13 раз). В целом, таким образом, в этой группе распределение стандартных и диалектных форм в обоих памятниках примерно одинаково и характеризуется спорадическим употреблением диалектных флексий на фоне господства стандартных.

Иная картина наблюдается в Р.ед.жен. местоименного и адъективного склонений, где в древненовгородском диалекте, в отличие от стандартного древнерусского, рано установилась односложная флексия (см. [14. С.221]). В ВК она представлена лишь двумя примерами: из *нѣкоторон* *заповѣди* К74, из *лѣвои* (руки) С12. Полностью господствуют двусложные

флексии, выступающие как в цел. (2х), так и в др.-рус. виде (К83, праздник недѣли К57, другом просфоруы К99, и до третьей (недели) К1, не правок роукы (2х) С12). Между тем в РП употребляются почти исключительно формы с односложной флексией: матери своки 622, одной матери 622об., оу которои татъвы 69, первой женѣ (2х)622, ѿ вортной земли (2х)622об., ѿ роленной земли 622об. Единственное исключение (всакюа 616) было объяснено выше. Таким образом, в данном пункте к стандартному древнерусскому ближе уже не РП, как это было в случае с -е в номинативе, а РП.

Итак, если в плане противопоставления общедревнерусских и церковнославянских элементов соотношение двух памятников складывается вполне однозначно, то в трактовке морфологических новгородизмов общая закономерность не прослеживается: в одном случае более консервативным оказывается ВК, в другом — РП, в ряде пунктов оба текста ведут себя примерно одинаково. Для объяснения этой довольно противоречивой картины обратимся к сравнению самих текстов, которое проведем с нескольких непересекающихся точек зрения.

Место создания. Вопрос о месте составления Пространной редакции РП остается до конца не выясненным. Ряд исследователей (М.Н.Тихомиров, Черепнин) связывали происхождение памятника с Новгородом. Однако, согласно более распространенной точке зрения (С.В.Юшков, А.А.Зимин, Я.Н.Шапов и др.), основу пространной Правды составил киевский текст (обзор проблемы см. [22]). Бесспорен, однако, общерусский характер записанного законодательства, что с лингвистической точки зрения важнее того, где именно произошла его письменная фиксация. ВК, напротив, хотя и получило общерусское распространение, возникло в Новгороде, наполнено местными реалиями и, так сказать, "новгородоцентрично". Хотя само название Новгорода в тексте не упоминается (что и естественно: для новгородцев это был просто "город"), новгородская точка зрения ощущается постоянно, в частности — в референции местоимений и указательных наречий. См., например, в К89: *А смердъ дѣла помолвихъ, иже по селомъ живутъ, а покаютьса оу насъ...* (т.е. у новгородских попов); в К19: *достоятъ ли попоу своки женѣ молитва творити всака, или въ селѣ, или сдѣ* (т.е. в Новгороде). Ср. также в К9 — реплика домового священника Нифонта по поводу употребления в пишу молозива: *адать, ре(ч), в городѣ семь мнози* (что следует понимать как "в нашем городе", ср. англ. in this city, in this country).

Место включения в Кормчую. Неновгородская РП была, по убедительному предположению Я.Н.Шапова, включена в состав Кормчей в Новгороде, что было связано с особым государственным строем Новгородской республики, при котором юрисдикция архиепископа распространялась и на светские дела, в других древнерусских землях не подлежавшие ведению церкви [1. С.223]. Между тем ВК, как однозначно свидетельствуют текстологические данные, вошло в состав Кормчей не в Новгороде, но, скорее всего, в Киеве, в 1260-х годах, на первом этапе создания Кормчей русской редакции. Причем прежде, чем попасть в Новгород, эта редакция подверглась очередной обработке во Владимиро-Суздальской Руси [1. С.183, 185, 207–209]. В составе НК, следовательно, до нас дошел новгородский список новгородского памятника, однако успевшего уже побывать в инодиалектной среде и, надо думать, испытать на себе ее воздействие.

Принадлежность традиции. Как известно, РП в языковом отношении наследует дохристианскому обычному праву восточных славян. Хотя и дошедшая до нас в составе церковных юридических кодексов, она

генетически не связана с книжной, и вообще — письменной традицией. Согласно известному высказыванию А.А.Шахматова в письме к К.Гетцу, письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме" (цит. по: [3. С.20]). ВК, хотя и имеет устную основу, принадлежит церковнославянской книжной традиции, занимая свое место среди других образцов жанра канонических вопросов и ответов, представленного в кормчих целым рядом первоначальных памятников (см. [1. С.179]).

Место в традиции. В системе древнерусских не книжных текстов РП выполняет роль центра, ядра, вокруг которого группируются другие тексты. Как общегосударственный законодательный кодекс, она задает образец, по которому могут строиться правовые тексты более частного характера, вроде Смоленской грамоты 1229 г. или дошедшего в списке 1263 г. договора Новгорода с немцами 1198 г. ВК в рамках церковнославянской книжной традиции представляет собой, напротив, явление сугубо периферийное. Замечательной особенностью "Вопрошания" является его черновой характер. Кирик, как он сам это подчеркивает, делал записи для себя, фиксируя по разным поводам мнения собеседников, и в первую очередь — своего просвещенного владыки, с которым находился в весьма близких и неофициальных отношениях. Записи едва ли предназначались для "публикации" и даже не всегда воспринимались самим Кириком как прямое руководство к действию. Показательно в этом отношении замечание Кирика (К38) относительно сведений, записанных им со слов "Клима" (по-видимому, митрополита Климента Смолятича): *Се же написахъ не аки творити все то, нъ разоума ради, ци коли смъ что таково пригодитъ.* С этим связано и другое различие. Как текст, обладающий высшей степенью официальности, РП в принципе имперсональна. ВК же, в силу своего частного характера, несет на себе сильнейший отпечаток индивидуального авторства (это относится в первую очередь к тексту самого Кирика и в меньшей степени — к вопросам Саввы и Ильи). Как отмечал исследовавший памятник С.И.Смирнов, "в духовной письменности киевского периода трудно указать памятник, который бы так рельефно рисовал своего автора со стороны его мирозерцания, как Вопрошание рисует Кирика, новгородского духовника половины XII в." [23. С.109]

Структура текста. Как всякий юридический текст, РП обладает жесткой структурой, основу которой составляет пара предложений, из которых первое — придаточное — описывает определенный казус, а второе — главное — применяемую санкцию. В пределах этой структуры возможно некоторое варьирование, однако лишь в весьма ограниченных пределах. Степень клишированности текста, таким образом, весьма высока. Структура "казус — санкция" присутствует и в ВК, которое, как и РП, складывается из статей, предписывающих применение определенных норм в определенных случаях. Однако, в отличие от статей РП, статьи ВК не просто трактуют тот или иной казус, но описывают конкретную ситуацию общения, в которой происходило его обсуждение.

Основная композиционная форма ВК — диалог. В элементарных случаях он сводится к однократному обмену репликами (вопрос — ответ), вводимыми аористами *рѣхъ* (прашахъ) и *рече*, образующими "коммуникативную рамку" статьи. См., например К86: *А иже, рѣхъ, кровь рывью ѣмъ? — Иѣтоу вѣды, ре(ч), развѣ животныа крове и птица.* ("Я спросил: а как насчет того, что мы едим рыбу кровь? — Не беда, сказал он, только кровь животных и птичью нельзя"). В других случаях диалог приобретает более развернутые формы, что проявляется как в увеличении числа реплик, так и

в расширении комментария. Характерный пример такого диалога представляет статья С18: *Аще кто придетъ ко мнѣ на покаяникъ, не азѣ ли, владыко, повелѣти ко иноуму попоу ити? — И ре(ч): аже начнешь оуправлати, а не примешь, грѣхъ ксть. И рѣхъ: азъ грѣшнъ, несмыслнънъ. И ре(ч): онъ к тобѣ късощеть все исповѣдати, любя тѣ, а ко (и)ноуму не поидеть, любю всего не исповѣсть, оуспрамаа са. Нъ аще и свѣтъ будешь, и чудеса творити начнешь, и мертвѣхъ воскрешати, а за то ти ити въ моукѣ, аже не примешь его. Аще ли приимъ, а не оуправншь, то тако же, а онъ безъ грѣхъ. И много о томъ поскорѣхъ къ нему. — О немже, ре(ч), не рекоу ти воле, тако то ти преже рекохъ. И бударихъ предъ нимъ челоумъ. И велаше: аже хыгтръ, и послн ко иноуму съ любовью: покаяникъ во волю ксть.*

В подобных спонтанных беседах, разворачивающихся на страницах ВК, находят себе место и сомнения спрашивающих в правильности полученного ответа, и эмоциональный всплеск раздраженного владыки, и его неспособность полностью удовлетворить казуистическое любопытство "вопросателей". Все это делает текстовую структуру ВК чрезвычайно разнообразной по сравнению с РП, текст которой принципиально монолитичен, лишен всякой спонтанности, традиционен и клиширован.

Противопоставленные по всем рассмотренным признакам, ВК и РП оказываются, таким образом, своего рода текстами-антиподами, что и находит выражение в различном отношении к церковнославянским элементам, с одной стороны, и к диалектным древненовгородским — с другой. В первом отношении картина достаточно ясна. Церковнославянизмы ВК абсолютно нейтральны и органичны его природе как книжного памятника, будучи одновременно проявлением принадлежности текста книжной традиции и знаком этой принадлежности. Церковнославянизмы РП, напротив, составляют внешний налет, являясь издержкой включения не книжного по своей природе памятника в книжный кодекс.

Что же касается оппозиции диалектных и стандартных черт, то здесь в разных пунктах положение определяется разными факторами. Особняком стоит Р.ед.жен. местоименного и адъективного склонений, где, как мы видели, большую близость к древнерусскому стандарту проявляет ВК. Замечательно, однако, что эта большая близость обнаруживается как раз там, где "стандартный древнерусский" в его новгородском "изводе" адаптировался к местному диалекту, усвоив односложную флексию *-ои*. Она последовательно проведена, в частности, в официальных договорах Новгорода 60-х годов XIII в., в которых другие морфологические новгородизмы вообще отсутствуют [см. II. Р.124–125]. "Стандартная" флексия *-оѣ* за двумя исключениями (стол лл.20, 66) отсутствует и в первой, относимой к концу XIII в. части Синодального списка Новгородской I летописи (СС НЛ) — памятнике, по языку наиболее близком ВК. Таким образом, среди оригинальных новгородских текстов ВК оказывается по данному пункту в изоляции. Между тем в пределах НК в изоляции оказывается уже РП с ее полным отсутствием двусложных флексий (ср. наличие их, помимо ВК, также в Слове Кирилла Туровского: *ноужнѣгѣ работѣ* 605, анонимном святительском поучении: *оу соборноѣ церквн, великѣгѣ ноужѣ* 587, Летописце патриарха Никифора и др. текстах). Совершенно ясно, таким образом, что в

⁸Попутно обратим внимание на характерное распределение в процитированном фрагменте форм *рѣхъ* и *рекохъ*, представляющее известный интерес для оценки функционального статуса форм аориста в раннедревнерусский период. Форма нового сигматического аориста появляется (единственный раз во всем тексте!) в самом диалоге, тогда как архаическая форма *рѣхъ* последовательно выступает в его литературном обрамлении.

данном случае специфическое соотношение РП и ВК объясняется тем, насколько парадоксальным обстоятельством, что новгородская РП была включена в Кормчую в Новгороде, а новгородское ВК — за его пределами. Соответственно, если окончание *-ои* в РП восходит, вероятно, к новгородскому списку, послужившему непосредственным оригиналом для списков НК, то *-оѣ* в ВК есть все основания относить на счет владимиро-суздальского (или, если идти еще дальше — южнорусского) протографа основной части рукописи. Данная позиция, таким образом, не характерна в плане соотношения двух текстов в рамках собственно новгородской языковой ситуации.

Значительно более показательно положение в И.ед. *о*-склонения, где формы на *-е*, представленные сразу четырьмя примерами в ВК, в РП полностью отсутствуют. Язык РП как общерусского законодательного свода должен был быть изначально чист от диалектного элемента, и в данном случае сохранил эту чистоту и в новгородском списке, оказавшись абсолютно непроницаемым для "главного" морфологического новгородизма. Между тем ВК ведет себя в данном отношении как текст, имеющий а) новгородское происхождение и б) черновой, неофициальный характер. Формы на *-е*, которые в пределах НК обнаруживаются лишь в ВК и таким образом характеризуют его как текст, могут быть по этой причине с большой вероятностью возведены к оригиналу памятника. В них естественно видеть прямое проявление его устной диалогической основы. Можно сказать, что древненовгородский языковой элемент также органичен текстовой природе ВК, как и элемент церковнославянский, отражая, однако, другой аспект этой природы.

На это можно возразить, что в отличие от цел. элементов диалектные формы занимают в ВК весьма скромное место. В процентном отношении они, как и в РП, должны рассматриваться, скорее, как отступление от нормы, чем как ее принадлежность. Применительно к списку 1282 г. так, вероятно, и следует считать. Не приходится, однако, сомневаться в том, что оригинал ВК представлял собой текст со значительно более яркой диалектной окраской, чем дошедший до нас его древнейший список. Судьба ВК в древнерусской письменности оказалась довольно необычной. Возникнув как ряд неупорядоченных черновых заметок, оно вскоре получило признание как авторитетное руководство по вопросам духовнической практики. Уже архиепископ Илья-Иоанн (1166–1186) в своем Поучении (1166) ссылается на "устав блаженного Нифонта", в котором большинство исследователей видят ВК. "Это значит, — пишет С.И.Смирнов, — что в частных записях ответов новгородского владыки духовниками он (Илья — А.Г.) видел как бы официальное произведение самого иерарха" [23. С.108]. Переписка воспринятого таким образом текста в составе канонических сборников неминуемо должна была повлечь за собой "окнижнение" его языка. В этом отношении важнейшим рубежом в истории памятника явилось включение его в Кормчую. Оно не могло не сопровождаться редакторской обработкой, призванной сгладить черновой характер текста и хотя бы отчасти привести его язык в соответствие с принятыми книжными нормами. Учитывая это, а также то, что включение в Кормчую произошло за пределами Новгорода, новгородизмы списка 1282 г. трудно воспринимать иначе как случайно сохранившиеся "остатки былой роскоши".

О том, что включение памятника в Кормчую действительно сопровождалось его редактированием, свидетельствует так называемая "особая" редакция ВК, встречающаяся, в отличие от "обычной" редакции, не в

Кормчих, а в сборниках канонического содержания. Опубликованная С.И.Смирновым по трем спискам XVI в. и им же исследованная с литературной точки зрения [20. С.1–27], "особая" редакция до сих пор мало обращала на себя внимание лингвистов. Между тем значение ее велико не только для установления критического текста памятника, но и для реконструкции его первоначального языкового облика. Составитель "особой" редакции предпринял попытку систематизации текста "Вопрошания", сгруппировав его статьи по тематическим рубрикам. Представляя собой, таким образом, решительную переработку памятника в композиционном отношении, "особая" редакция, как это продемонстрировал С.И.Смирнов [20. С.265–267], сохраняет значительное число первоначальных чтений, сокращенно или с искажениями переданных "обычной" редакцией. Составитель "особой" редакции явно располагал текстом ВК, значительно более близким оригиналу памятника, чем тот, который в XIII в. был включен в Кормчую. В силу этого "особая" редакция местами сохранила диалектный колорит оригинала, утраченный "обычной" редакцией⁹.

Этот диалектный колорит проявляется в "особой" редакции уже на фонетическом уровне, которого мы до сих пор не касались только потому, что в списке 1282 г. ВК, как и РП, демонстрирует полное отсутствие ярких фонетических новгородизмов (за исключением, разумеется, обычной для новгородской письменности мены *ц* и *ч*). Замечательно в этом отношении статья К68, трактующая вопрос о причащении "блудящих отроков". В "обычной" редакции статья начинается следующим вопросом Кирика: *Рѣхъ: лъзѣ ли, владъко, люво си шдиною дати имъ причащанъ, съблюде добръ мѣднѣ, аще и кромѣ говѣнья, не шдоуче мѣсъ, ни медоу пьючи, и ѿ влоуда, ать тако не помроуть, гроуъъ (в других списках: другъши) и ѿтнюдь не причащальса. Смысл вопроса достаточно ясен: Кирик спрашивает Нифонта, можно ли, при соблюдении определенных условий хоть раз причастить отроков, а то некоторые могут так и умереть без причастия, так как вообще никогда не причащались. В списках "особой" редакции в соответствии с ѿтнюдь "обычной" читаются варианты *квхѣ* и *швхѣ*. С.И.Смирнов попытался объяснить этот "странный вариант", связав его с греч. *ἐὐχή*, "молитва" [20. С.267]. Однако предполагать в данном случае гречизм нет оснований — в рамках нынешних представлений о древненовгородской фонетике загадочное *швхѣ* объясняется чрезвычайно просто: перед нами вариант хорошо известного по говорам [24] и представленного, начиная с XVII в., также в письменных текстах [25] наречия *овсе* (ср. литературное *во все*), но только без рефлекса третьей палатализации. *Овхѣ* и *отънюдь* должны были соотноситься в Новгороде как синонимичные разговорное и книжное наречия. Чтение "особой" редакции явно восходит к "авторскому" тексту Кирика. Невозможно представить, чтобы в процессе переписки книжное наречие было сознательно заменено на его разговорный синоним; столь же маловероятно и случайное проникновение в текст варианта, дважды —*

⁹ Забегая вперед и предваряя анализ лексической стороны ВК, приведем пример, наглядно иллюстрирующий характер работы этого редактора. В своем стремлении придать тексту более официальный вид, он, в частности, исключил из него практически все деминутивы, в избытке присутствовавшие в оригинале ВК. Так, во фразе из статьи К13, описывающей порядок причащения больных: *вложи частку в потирицу вонже вища вли* [20. С.20] редактор педантично заменил *частку* на *часть*, *потирицу* на *потирь* и *вища* на *вина*. Поведение редактора вполне понятно: широкое употребление деминутивов является, как известно, характерной приметой неформальной речи, и в тексте, претендующем на официальный статус, им не место. Ср. полное отсутствие этой категории лексики в РП.

лексически и фонетически — маркированного как диалектный. Обратная замена, между тем, кажется вполне естественной на фоне общей тенденции постепенного окнижения языка памятника. Тот факт, что в данном случае диалектная форма была сохранена переписчиками "особой" редакции, связан, очевидно, с тем, что она осталась ими непонятой и даже, возможно, была принята (как позже — исследователем памятника) за незнакомый гречизм, получив начальное *к-* по образцу пар типа *опитѣмь/кпнтѣмь*. Вероятно, в оригинале ВК имелись и другие яркие фонетические новгородизмы, которые, однако, были опознаны как таковые и заменены на их стандартные соответствия.

Из морфологических новгородизмов списка 1282 г. часть обнаруживается на тех же местах и в списках "особой" редакции, где находим, в частности, форму *оуѣ* в С5 и *крохотцѣ* в К64. Эти совпадения симптоматичны как свидетельство того, что в списке 1282 г. соответствующие формы не привнесены переписчиком, но восходят к оригиналу. Замечательно также, что в соответствии с другим просфоры К99, в списках "особой" редакции читается *другъши просфурѣ* [20. С.21]. В этой паре диалектных флексий особенно показательна первая. В XVI в., к которому относятся списки "особой" редакции, окончание *-ѣ* было уже, безусловно, мертвой формой: судя по данным берестяных грамот, оно уже к концу XIV в. полностью уступило место флексии *-и* [19. С.142]. Здесь, следовательно, оно восходит к оригиналу не моложе этого времени. Скорее всего, в тексте XII в. имело место варьирование цел. форм и диалектных на *-ѣ* (*-ѣѣ*), подобное тому, которое наблюдается в СС Н1Л, в части, охватывающей события XII в.

Еще одну яркую черту к морфологической характеристике ВК добавляет статья К82 "особой" редакции, которая в Кормчей 1282 г. читается так: *А оже ѿ попа или ѿ дѣакона попадѣ створити прѣлюбъ? — А поуѣтъ ѣ ю, ре(ч), държатн свои санъ. В "особой" редакции ответ Нифонта на этом не заканчивается, но имеет весьма энергичное продолжение: *а она ходоачи хотѣ по торговѣ лежы ("а она, гуляя, пусть хоть на торгу валяется")*. Это добавление, не прошедшее "цензуры" редактора Кормчей из-за своей слишком откровенной изобразительности, в лингвистическом отношении представляет двойной интерес. Замечательно, во-первых, характерное для разговорной речи экспрессивное употребление императива. Ср. аналогичный пример еще в одном ответе Нифонта (К84): *аще и мертвѣмь, ре(ч), въскрешан, не можетъ попомъ вѣтити ("пусть он хоть мертвых воскрешает — не может быть попом")*. Редкое в древнерусской книжной письменности, подобное эмоциональное употребление императива встречается, однако, в берестяных грамотах. Ср. в грамоте N370: *а лежи ни ѿ ного ни ѿкъдѣ да ("а сиди и не смей от него отъехать")* (см. интерпретацию этого текста [19. С.204]).*

¹⁰ В этом отношении показателен следующий факт. В Поучении новгородского архиепископа Ильи-Иоанна (1166, список XV в.) трижды встречается диалектная форма *льга* (в сочетании *нѣльга*, см. примеры [18, II, с.64]) без эффекта третьей палатализации, известная также из статьи 1128 г. СС Н1Л. В ВК это слово выступает только в стандартном древнерусском оформлении: (*нѣ*) *лѣтѣ* К28, 68, 95, С18, И6. Поучение Ильи — памятник, во многих отношениях близкий ВК и непосредственно с ним связанный: скорее всего, именно Илья (до своего избрания на кафедру — священник церкви св. Власия) и был автором третьей части ВК. Последовательность, с которой в Поучении употребляется диалектная форма, делает вероятной и присутствие ее в оригинале ВК.

Нас, однако, больше интересует сейчас словоформа по торговле, по своему уникальная в письменности русского Северо-Запада: с флексией Д.ед. *-ови* в собственно новгородских памятниках выступают исключительно одушевленные существительные, в псковских иногда также неодушевленные, но только *ю-*основы (по ручью, по крову). Слово *тѣрѣ* этимологически относится к *и-*основам, и употребление его с данной флексией следует, очевидно, рассматривать как архаизм, еще одно свидетельство уже отмечавшегося исследователями для древненовгородского диалекта частичного сохранения деклинационной самостоятельности старого *и-*склонения [26, 27]. В некоторое противоречие с такой интерпретацией вступает, однако, тот факт, что в древнейшей части СС НЛД *тѣрѣ* четыре раза выступает в форме Д.ед. с флексией *-у* (по тѣрѣу л. 12, 81об., 104об., 113 об.). В этом расхождении можно было бы усмотреть обычное проявление морфологической вариативности, однако возникает вопрос: чем обусловлено именно такое распределение флексий между летописью и рассматриваемой статьей ВК? Возможный ответ на этот вопрос подсказывает наблюдение А.А.Шахматова, заметившего, комментируя употребление флексии *-ови* в белорусском языке, что "в одном из пинских говоров с формами дательного на *-ови* соединяется оттенок презрения и негодования" (разрядка моя - А.Г.) [28]. Поразительное совпадение описанных эмоций с теми, которые обнаруживают себя в ответе Нифонта, наводит на предположение: не связано ли и в данном случае сохранение архаичной флексии с особым экспрессивным характером фразы? Если это так, рассмотренный пример демонстрирует замечательное сочетание экспрессивного разговорного синтаксиса с экспрессивной же морфологией. Понятно, что только неофициальный характер и диалогическая структура ВК сделали возможным отражение в нем данной стороны разговорной речи. В клишированном монологическом тексте РП этот языковой пласт в принципе не мог найти отражения.

Подведем некоторые итоги. В целом на морфологическом уровне ВК (особенно, каким оно реконструируется для этапа, предшествовавшего включению памятника в Кормчую) отличается от РП одновременно систематическим употреблением церковнославянских форм и более широким допущением черт живой диалектной речи. Таким образом, по сравнению с РП ВК выступает как текст со значительно более широким "лингвистическим диапазоном". Такое соотношение двух памятников (а оно, заметим, наблюдается и на лексическом и синтаксическом уровнях, здесь не рассматривавшихся) явно отражает некоторое общее положение вещей. Отношения, аналогичные тем, которые связывают между собой РП и ВК, могут быть выявлены и при сопоставлении новгородских договорных грамот XIII в. с первой частью СС НЛД. И здесь мы в одном случае встретимся с запретом (еще более строгим, чем в РП) на диалектные черты и отсутствием (за исключением формулы « азъ » морфологических церковнославянизмов, а в другом — с систематическим употреблением элементов обеих категорий.

Можно заключить, таким образом, что соотношение в древненовгородских письменных текстах общедревнерусских и церковнославянских элементов не было напрямую увязано с соотношением в них диалектных и "стандартных" черт. Пропорции тех и других регулировались разными факторами. Систематическое употребление церковнославянских форм или его отсутствие определялось вхождением или невхождением текста в сферу книжной культуры. Последовательность же проведения в тексте нормативных языковых характеристик (стандартных древнерусских и/или церковнославянских) зависела от места, занимаемого текстом в системе

соответственно книжной или некнижной письменности. Чем дальше от центра, чем меньше степень официальности текста, чем менее регламентирована следованием жанровому канону его структура, тем более условным и непоследовательным становится "пересчет" разговорных форм в формы письменного языка. В этой ситуации "стандартный древнерусский" — язык РП и договоров, и "гибридный церковнославянский" — язык ВК и летописи — естественно рассматривать как функционально полярные идиомы. Первый выступает как наиболее официальная и потому достаточно строго нормированная форма некнижного языка, сильно ограничивающая спектр используемых языковых средств; второй — как язык книжной периферии, демонстрирующий предельную для древнерусской письменности степень лингвистической гетерогенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.
2. Правда Русская. Под ред. Б.Д.Грекова. Т.3. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963.
3. Карский Е.Ф. Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930.
4. Обнорский С.П. Русская Правда как памятник русского литературного языка // Известия АН СССР, серия VII. Отделение общественных наук. 1934. N 10. С.749—776.
5. Селищев А.М. О языке "Русской Правды" в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Селищев А.М. Избранные работы. М., 1968. С.129—146.
6. Унбегаун Б. Язык русского права // В.О.Унбегаун. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.
7. Matejka L. Diglossia in the Oldest Legal Code of Novgorod // Papers in Slavic Philology. 1. In Honor of James Ferrell. Ed. B.Stolz. Ann Arbor, 1977. P.186—197.
8. Живов В.М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // Semiotics and the History of Culture. In Honor of Jurij Lotman. Columbus, 1988 [UCLA Slavic Studies. vol.17]. P.49—54.
9. Русская историческая библиотека. Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. Памятники XI—XV вв. Под ред. А.С.Павлова. 2-е изд. СПб., 1908. С. 22—62.
10. Зализняк А.А. О языковой ситуации Древнего Новгорода // Russian Linguistics, 1987. Vol.11. N2/3. P.126.
11. Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С.54—55.
12. Shevelov G. Несколько замечаний о грамоте 1130 г. и несколько суждений о языковой ситуации Киевской Руси // Russian Linguistics, 1987. Vol.11. N2-3. P.178.
13. Шапир М.И. Рец. на кн.: Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987 // Russian Linguistics, 1989. Vol.13. P.271—309.
14. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1985 гг.). М., 1993.
15. Гупиус А.А. Морфологические, лексические и синтаксические факторы в склонении древнерусских членных прилагательных // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А.Хабургаева. М., 1993. С.80.
16. Кандаурова Т.И. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI—XIV вв. // Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С.7-18.
17. Шахматов А.А. К истории звуков русского языка. VII. // Известия ОРЯС АН. Т.8. 1903. С.323.
18. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т.1—3.
19. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1976—1983 гг.). М., 1986.